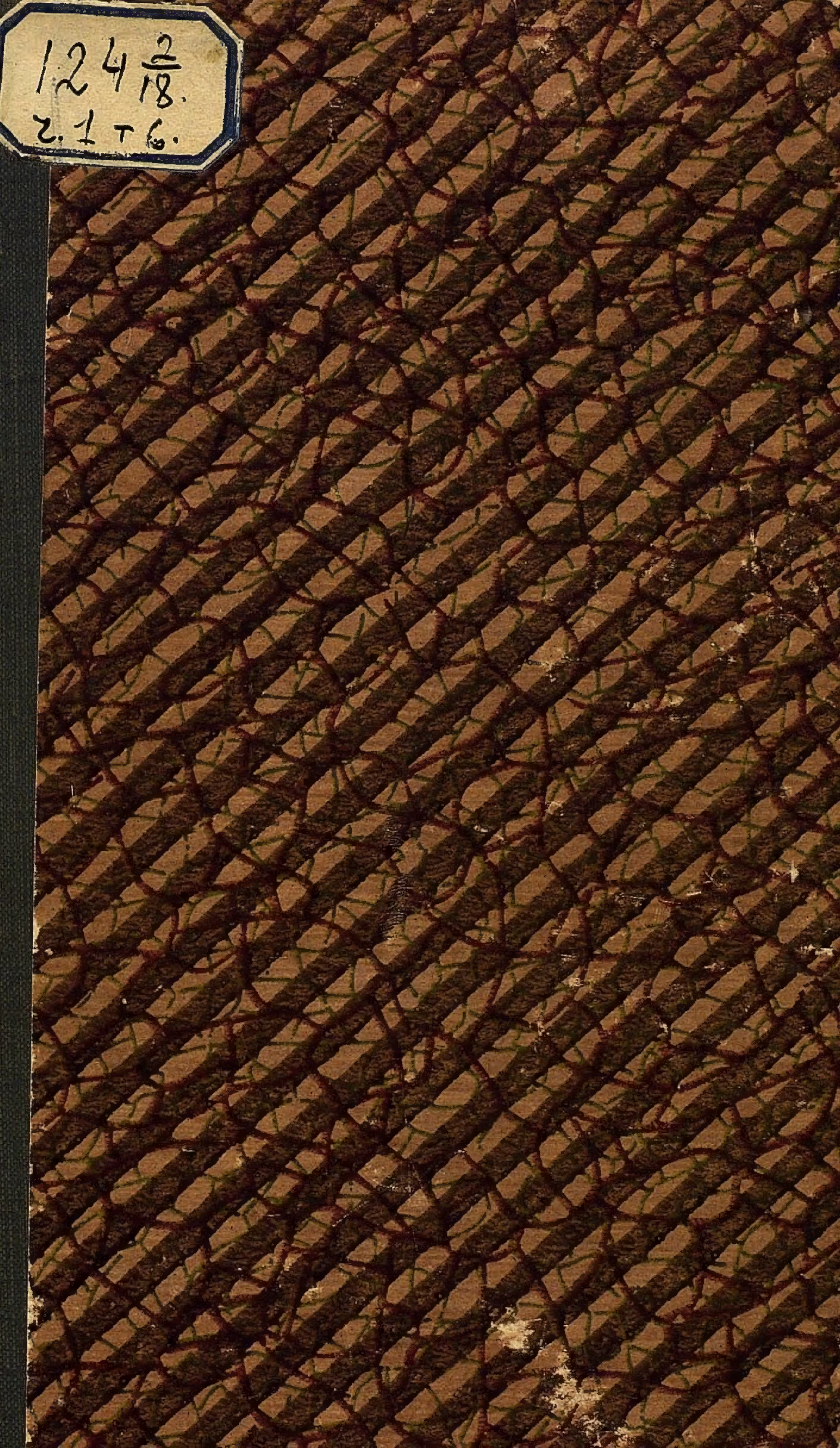

124 2/18.
2.1 т 6.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

КАРАМЗИНЪ И СПЕРАНСКІЙ.

VI.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

Продается:

НѢМЦЫ И ДУНАЙ.

ЖУРНАЛЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

ПИСЬМО КЪ НАСТАВНИКУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

О ПРИМИРЕНІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЪ РИМСКОЮ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА РОСТОПЧИНА.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

КАРАМЗИНЪ И СПЕРАНСКІЙ.

VI.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

КАРАМЗИНЪ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Оренбурской Губерніи (а не въ Симбирской, какъ предпологаютъ большая часть біографовъ) 1. Декабря 1765 года т. е. въ ту эпоху, когда Россія понесла въ Ломоносовѣ потерю, которую ему впослѣдствіи суждено было восполнить. Едва научившись читать, онъ съ жадностію пожиралъ всѣ книги, которыя попадались ему подъ руку въ домѣ отца, дворянина незнатнаго происхожденія. Книги эти, хотя ничтожныя по содержанію, къ счастію, не испортили его сердца. Достигши юношескаго возраста онъ былъ помѣщенъ въ одно изъ Московскихъ училищъ, отъ котораго ходилъ слушать лекціи въ тамошнемъ Университетѣ, гдѣ и оставался до поступленія своего въ Преображенскій полкъ въ 1782 году. Служба его продолжалась два года; смерть отца вынудила его выйдти въ отставку и въ 1784 году ѣхать въ Симбирскъ. Дружба нѣкоторыхъ людей привлекла его вскорѣ въ Москву. Здѣсь совершилось окончательное его развитіе; въ сношеніяхъ его съ Дмитріевымъ и Новиковымъ и вообще съ людми сочувствовавшими прекрасному находившимися въ столицѣ, обнаружилось настоящее его назначеніе. Подобно почти всѣмъ соотечественникамъ своимъ, Карамзинъ

не получилъ прочнаго, научнаго образованія; онъ очень хорошо чувствовалъ это и старался пополнить недостатокъ добросовѣстными занятіями и путешествіемъ по тѣмъ странамъ, которыя въ то время были разсходниками цивилизаціи и знаній. Два года путешествовалъ онъ по Германіи, Франціи и Англіи. Его „Письма русскаго путешественника.“ (4 тома) доказываютъ что же два года проведены были имъ не безъ пользы. Первымъ дѣломъ его, по возвращеніи въ Москву, было начать изданіе журнала, подъ названіемъ „московскаго журнала“ (8 томовъ 1792 и 1793), имѣвшаго, по своей новизнѣ огромное вліяніе. Первый, онъ осмѣлился писать обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ (конечно когда хорошо говорятъ), уничтожить выраженія усторѣвшія и германскія, избрать предметы для своихъ повѣстей изъ жизни дѣйствительной а не фантастической, изъ преданій нашей національной старины а не иностранныхъ народовъ, сблизить, однимъ словомъ, общество наше съ русскою литературою, сдѣлавъ ее понятною и привлекательною. Ему принадлежитъ слава классика реформатора: еслибы онъ не очистилъ языкъ отъ посторонней примѣси въ Жуковскомъ не могло бы быть столько гармоніи, ни въ Пушкинѣ столько энергіи.

Вскорѣ изданіе этаго Журнала не удовлетворяло болѣе его дѣятельности. Въ 1794 году онъ основалъ новый сборникъ „Аглая“; въ 1797, съ сотрудничествомъ Державина, поэтическій альманахъ „Аониды,“ или собраніе разныхъ стихотвореній (три части 1797, 98, 99), въ которомъ были помѣщены нѣкоторыя изъ его стихотвореній, по достоинству уступающихъ его прозѣ, не лишенныя однако вдохновенія. Въ 1798 онъ издалъ „Пантеонъ иностранной словесности“

(три книжки); въ 1801 году „Историческое слишкомъ похвальное слово Екатеринѣ II.“ и въ слѣдующіе годы былъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы,“ лучшаго сборника этаго времени. Достойныя произведенія Карамзина, извѣстныя подъ именемъ Мои бездѣлки составляютъ 12 томовъ in 8⁰ изъ коихъ 9 суть правда переводы, потому что онъ перевелъ на русскій языкъ почти всѣ „Повѣсти Мармонтеля“ (Москва, 1794 и 1815) и даже довольно безполѣзно „Повѣсти Жанлисъ“ (Москва, 1816). Послѣ этихъ разнообразныхъ занятій онъ предпринялъ трудъ, въ которомъ превзошелъ себя и который вполнѣ доставило ему право на народную признательность, это его „Исторія Государства Россійскаго.“ Онъ 12 лѣтъ писалъ свои первые 12 томовъ. Когда онъ представилъ ихъ Императору Александру I., который столь извѣстенъ своими благородными стремленіями, Государь наградилъ его чиномъ Статскаго Совѣтника и украсилъ его орденомъ Св. Анны 1. класса и пожелалъ чтобы онъ зимою жилъ въ Таврическомъ дворцѣ а лѣтомъ въ Царскомъ селѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ нимъ каждодневно, какъ онъ называлъ, въ своемъ зеленомъ кабинетѣ т. е. въ густой и уединенной аллеѣ этого русскаго Версалья.

Его неизданная „Записка,“ которую мы здѣсь предлагаемъ, показываетъ, что было предметомъ бесѣды Императора и Карамзина и обнаруживаетъ въ семъ послѣднемъ менѣе либерализма нежели въ самомъ Монархѣ.

Съ этаго времени онъ не написалъ ни одной страницы, какъ бы она ни была независима, не представляя ее Императору. Преждевременная кончина его благодѣтеля остановила его бѣглое перо; она произвела глубокое впечатлѣніе на его душу, которая

впрочемъ не была избалована милостями. Она сократила дни его жизни, истощенной частыми и продолжительными бдѣніями: онъ видѣлъ что мечты о свободѣ и нравственномъ величіи для любезнаго отечества, взлелѣянныя въ душѣ Монарха, исчезали какъ призракъ.

Императоръ Николай продолжалъ знаменитому Исторіографу милостей своего предшественника. Онъ предложилъ ему цѣлый фрегатъ, чтобы перевести его изъ Петербурга подъ болѣе благопріятное небо; но Карамзинъ не могъ имъ воспользоваться и угасъ 22. Мая 1826 года съ этою преданностію судьбѣ, свойственной славянской природѣ, преданностію, которая можетъ быть вредитъ ея соціальному прогрессу но запечатлѣваетъ послѣдній часъ ея истиннымъ величіемъ: если Русскій не умѣетъ жить, какъ часто и не такъ давно объ этомъ говорили, надо сознаться, что онъ умѣетъ умереть.

На его могилѣ начертаны слѣдующія слова Евангелія.

Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.

Исторія Государства Россійскаго Карамзина составляетъ 12 толстыхъ томовъ in 8^0; она остонавливается къ несчастію на 1611 годѣ въ эпоху въ высшей степени интересную. Она была переведена на Нѣмецкій, Англійскій, Италіанскій и Греческій языки, и даже на Китайскій. *)

---

*) Славный нашъ Синологъ А. Л-Леонтьевъ до того усвоилъ себѣ и языкъ и кисть Китайца, что перевелъ на Китайскій языкъ первый томъ Исторіи Карамзина.

Французскій переводъ, начатый Г-ми Thomas и Jauffret, и оконченный Г-мъ Divof (Paris, II. vol. in 8° 1819—26) хотя содержащій небольшую часть примѣчаній автора, заслуживалъ бы новаго изданія; ее почти невозможно найти въ торговлѣ. Карамзинъ, говоритъ Пушкинъ, есть первый нашъ Историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею Критикою онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его не удовлетворителенъ, тамъ не доставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его рязмышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употребляетъ какъ краски, но не полагаетъ въ нихъ никакой существенной важности. Всѣ иностранцы имѣвшіе Исторію Карамзина въ рукахъ говорили о ней съ уваженіемъ и частію съ удивленіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, написанная съ этою глубокою ученостію, что индексъ его содержитъ въ себѣ более милліона статей она замѣчательна сколько по слогу столько по своему безпристрастію и проницательности. Только когда на своемъ пути Карамзинъ встрѣчаетъ Католическую церковь, что случается въ его Исторіи неоднократно, онъ смущается и становится не похожимъ на себя; но въ чемъ истина иногда заставляетъ его сознаться на этотъ счетъ очень драгоцѣнно и достойно вниманія.

Жители Симбирска воздвигли ему памятникъ въ 1845 году. Еще болѣе порадовало бы прахъ его если

бы оконченъ былъ памятникъ который онъ самъ воздвигъ отчеству своею Исторіею Государства Россійскаго, произведеніемъ вкуса и науки.

(Nouvelle Biographie générale publiée par MM. Firmin Didot frères).

СПЕРАНСКІЙ.

Графъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій, сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, родился 1771 года. Родовое прозваніе его было Грамотинъ, но въ Владимірской семинаріи, гдѣ онъ получилъ первоначельное образованіе, переименовали его Сперанскимъ, заимствуя это прозваніе отъ надеждъ (латин. spes — надежда, sperant — надѣющійся), возбужденныхъ отличными способностями юноши. Изъ семинаріи поступилъ онъ въ Александро-Невскую Духовную Академію, гдѣ такъ ревностно продолжалъ свое ученіе, что на 21 мъ году самъ занималъ званіе профессора словесности, потомъ физики и математики. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (служившій при генералъ-прокурорѣ Кн. Вяземскомъ) пригласилъ его давать уроки своему сыну и вмѣстѣ предложилъ ему мѣсто частнаго секретаря своего. Когда, въ царствованіе Павла 1, Кн. Куракинъ назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ, Сперанскій охотно промѣнялъ духовное поприще на гражданское: онъ опредѣлился въ Канцелярію Князя и переименованъ изъ магистра въ титулярные совѣтники (1797 г.). Необыкновенныя дарованія, глубокія познанія и ясное изложеніе трудныхъ

дѣлъ, поручаеныхъ Сперанскому, сдѣлали его извѣстнымъ всѣмъ лицамъ, занимавшимъ разныя должности. Онъ сохранилъ мѣсто секретаря при Князѣ Лопухинѣ, смѣнившемъ Кн. Куракина, а потомъ при Беклешевѣ и Обольяниновѣ. По вступленіи на престалъ Императора Александра 1го, былъ онъ опредѣленъ директоромъ при министрѣ удѣловъ, Трощинскомъ; въ 1801 г. назначенъ статсъ-секретаремъ въ Государственномъ Совѣтѣ; вѣ 1802 г., при образованіи министерствъ, было поручено ему составить, подъ надзоромъ Графа В. П Кочубея, перваго министра внутреннихъ дѣлъ, взявшаго его къ себѣ въ директоры, планъ устройства этаго министерства, долженствовавшій служить образцемъ и для устройства другихъ министерствъ. Удивительнымъ даромъ въ организаціи, Сперанскій дѣйствовалъ благотворно, стараясь на мѣсто злоупотребленій водворять вездѣ общеполезный порядокъ и замѣнять личный произволъ законностію дѣйствій. При этомъ оказалъ онъ еще важную, хотя и побочную заслугу, преобразовавъ русскій Канцелярскій слогъ, который дошелъ было до крайней запутанности: все что ни писалъ Сперанскій, даже и по обыкновеннымъ дѣламъ, было образцемъ прекраснаго изложенія. Годовые отчеты министерства внутреннихъ дѣлъ, имъ составляемые и печатаемые въ С. Петербурскомъ журналѣ, имъ учрежденномъ и издававшемся съ 1804 до Конца 1809, представляютъ образцы дѣловаго слога, какимъ должны писаться оффиціальныя бумаги. Въ 1803 г. Государь поручилъ ему, чрезъ Графа В. П. Кочубея, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, что имъ и было исполнено. Графъ В. П. Кочубей сблизилъ его съ Государемъ Императоромъ, который назначилъ его товорищемъ министра юстиціи и директоромъ коммисіи составленія законовъ,

которая подъ управленіемъ его получила новую жизнь и впослѣдствіи поставлена была въ возможность быстро окончить возложенное на нее дѣло. Государь, поручивъ ему обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ по части высшаго государственнаго управленія, проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи различныхъ сочиненій, относящихся къ государственному устройству и управленію. По покореніи Финляндіи, Сперанскому поручено было (1809) управленіе этаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ канцлеромъ Абовскаго (Гельзингфорскаго) университета. Въ томъ же году составилъ онъ планъ образованія Государственнаго Совѣта и министерствъ, уставъ каждаго изъ нихъ съ опредѣленіемъ порядка ихъ сношеній между собою, и въ слѣдствіе этаго плана учреждены два новыя министерства: полиціи и государственнаго контроля. Но важнѣйшій трудъ его измѣненіе финансовой системы. Имъ приведена въ порядокъ система податей, учрежденъ капиталъ погашенія долговъ, вынута изъ обращенія значительная часть ассигнацій, введена новая монетная система, изданъ общій тарифъ и подвергнуты всѣ смѣты министерствъ контролю Государственнаго Совѣта, а всѣ издержки государственному Контролю. Сверхъ того, преобразованіе всѣхъ духовныхъ училищъ въ Россіи и устроеніе прочнаго ихъ управленія, опредѣленіе мѣщанскихъ и крестьянскихъ повинностей, собраніе матеріаловъ для статистики Россіи, образованіе рекрутскихъ округовъ — все это суть образцовые труды Сперанскаго, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ своей службы (съ 1797 по 1812) достигнулъ до важнаго званія государственнаго секретаря, былъ тайнымъ совѣтникомъ и Александровскимъ кавалеромъ, и пользовался милостью и довѣренностію Государя Императора.

Различныя дѣйствія и нововведенія Сперанскаго возбудили мнѣнія противоположныя и вооружили противъ него многихъ. Передъ начатіемъ отечественной войны онъ былъ удаленъ отъ дѣлъ въ Нижній Новгородъ, а когда непріятель занялъ Москву — перемѣщенъ въ Пермь, гдѣ Государь не оставлялъ его денежнымъ пособіемъ. Изъ Перми Сперанскій отправилъ къ Императору свое оправданіе.

(Полная Русская Хрестоматія А. Галахова, Москва, 1849, ч. III).

Мало извѣстный и нигдѣ до сихъ поръ напечатанъ, благосклонные читатели Русскаго заграничнаго Сборника будутъ, можетъ быть, читать съ любопытствомъ важный сей документъ для исторіи царствованія Александра I.

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ГОСУДАРЮ
18. Октября 1819 года.

Н. М. КАРАМЗИНЫМЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ,

где онъ тогда жилъ въ китайскомъ домикѣ.

Государь! Въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу послѣ нашего разговора излить на бумагѣ нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ; какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу, въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ.

Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутренное неизглаголанное небесное чувство, она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ, физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ, но ихъ неотмѣнятъ.

Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа Спасителя; такъ и гражданскія общества непеременили своихъ коренныхъ уставовъ, все осталось какъ было на землѣ и какъ иначе быть не можетъ: только возвышалась душа, въ

ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ и истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени: мы близились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ прежде дѣйствовали. „Несмь отъ міра сего“ сказалъ Христосъ, а граждане и государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить и враговъ, любовъ есть чувство, но онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ охранять государство. Вы христіанинъ, но вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эмсады; вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ. Законъ естественный оборона, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ, но Богъ далъ вамъ Царство, и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человѣкъ по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, Вы можетъ быть выше Марка-Аврелія, но какъ Царь, Вы тоже, что онъ.

Евангелія молчитъ о политикѣ; не даетъ, новой, если мы захотѣвъ быть христіанами — политиками, впадаетъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту, я какъ христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ намъ городъ; впустимъ ли мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ-Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ I. благотворить врагамъ государственнымъ, уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ та-

комъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаютъ Александра, но Александръ взялъ ихъ русскою силою, а Россіянъ далъ ему Богъ и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу освободителя Европы.

Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно-ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно-ли съ Вашими священными обязанностями? съ Вашею любовью къ Россіи. Не говоря о Пруссіи, спрашиваю Австрія отдастъ-ли добровольно Галицію? Можите-ли Вы творецъ священнаго союза, объявить войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во вторыхъ: можете-ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію отвержденную собственность Россіи, еще до Вашего Царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были за Россіею, когда Митрополитъ Платонъ вручилъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами называли Великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ, вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло, но оно сдѣлано и для Васъ

уже свято: для Васъ Польша есть законное Россiйское владѣнiе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить: Казанское и Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссiя, Волынiя, Подолiя вмѣстѣ съ Галицiею, были нѣкогда коренным достоянiемъ Россiи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кiева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ.

Или все или ничего. До селѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: „не пяди ни врагу, ни другу.“ Наполеонъ могъ завоевать Россiею, но Вы хотя и Самодержавецъ не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный! — Вы любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россiю бездушной, безсловестной собственности? Будите ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудите? Россiя, Государь, безмолвна передъ Вами; но еслибы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искреннаго безпристрастнаго, то онъ Государь! осудилъ бы Ваше великодушiе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россiи. Сей историкъ сказалъбы совсѣмъ не то, что могутъ говорить Вамъ Поляки, извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы русскiе не извинили, еслибы Вы для ихъ рукоплесканiя ввергнули насъ въ отчаянiе. Государь! нынѣ славный, великiй, любезный! Отвѣтствую Вамъ головою за сiе неминуемое дѣйствiе цѣлаго возстановленiя Польши. Я слышу русскихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю;

остыли бы душею и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы передъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ, Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы. . . .

А Вы Государь! гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

Однимъ словомъ . . . и Господь сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину.

Однимъ словомъ: возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогрятъ своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

Нѣтъ, Государь! никогда Поляки не будутъ ни искренными братьями, ни вѣрными союзниками; теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи; конечно не въ Ваше Царствованіе, но Вы Государь! смотрите далѣе своего вѣка и, если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою. Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благородность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской: чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Они въ случаѣ войны впрочемъ не мало вѣроятной (ибо кому теперь возставать на Россію) могутъ измѣнить, тогда покажемъ измѣну силою и правомъ; право всегда имѣетъ осо-

бенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе отнимаетъ ее. Поляки закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ Россіянъ.

Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія осужденнаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи; первое безкорыстнымъ великодушнымъ посредничествомъ, второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имъ Великаго, пріобрѣтите имя Отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Россія какъ она есть и какъ оставлена Вамъ Екатериною. . . .

Екатерина любила насъ нѣжно, любила и наше Отечество. Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ. . . .

Умолкаю.

ПИСЬМО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Января 1813 г. изъ Перми.

Всемилостивѣйшій Государь!

При отлученіи меня В. И. В. между прочими знаками милостиваго вниманія, — сказали мнѣ, что: „во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили бы годъ или два, чтобы точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія къ Вамъ о мнѣ дошедшія.“ — Изъ сего долженъ я заключить, что мнѣніе Ваше обо мнѣ еще не рѣшено невозвратно. Въ послѣдствіе, назначеніе денежняго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная защита Ваша, утвердили еще болѣе сію надежду.

Среди дѣлъ, столь высокой важности, мнѣ казалось не пристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательной, могу-ли я ласкаться, что В. В. исполните то, что прежде считали справедливымъ? . . .

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери, потому что всякой другой путь откровеннаго изъяс-

нія пресѣченъ мнѣ и не знаю еще какъ сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ? —

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего вниманія объясненія при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться. Но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ Государственныхъ.

Есмь съ глубочайшимъ благоговеніемъ и проч.

М. Сперанскій.

Въ самомъ началѣ Царствованія В. И. В. постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего Правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія и слѣдовать ему неуклонна.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія Ваши, учрежденія, кои, по важности и пространству своему, могли прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, еслибы или люди были спарведливѣе или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители, коихъ В. В. употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія, въ большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда В. В. и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычки и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе чрезъ 12 лѣтъ В. В. постоянно

слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы, но главная мысль и намѣреніе оставались неизмѣнными.

До 1808 года я былъ почти только зрителемъ сихъ преобразованій, но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда В. В. угодно было поручить мнѣ чрезъ Графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808 года послѣ разныхъ дѣлъ В. В. начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ дошедшія и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера, въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій В. В. надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго Государственнаго образованія.

Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго; но идеямъ съ 1801 г. занимавшимъ В. В. дало въ немъ систиматическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію верховной власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіи двухъ слишкомъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, В. В. положили наконецъ приводить его въ дѣйствіе.

Полѣзнѣе можетъ быть было бы, всѣ установленія сего плана, приуготовивъ вдругъ, открыть единовременно; тогда онѣ явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. — Но В. В. признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи.

Сколько предусмотреніе сіе не было основательно, но въ послѣдствіе оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправельныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то*) чего еще не знали и не видя точной цѣли и конца перемѣнъ устрашились вредныхъ нововведеній (установленій).

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и разширялась клевета и ненависть всегда ихъ преслѣдовавшія.

I. Совѣтъ. Учрежденіе его за мѣсяцъ прежде открытія сообщено было Гр. Н. И. Салтыкову и Князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили, все послѣдствія его оправдали но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе Францускому хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего онѣ не имѣютъ общаго. — Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государя. Гдѣ и какимъ образомъ? . . . не по Государеву-ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ не единымъ ли словомъ его рѣшаются? . . . но завистъ и клевета лучше желаютъ казаться смѣлыми, чѣмъ безгласными.

II. Министерства. Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи ми-

*) Не на Карамзина ли этотъ попрекъ? . . прим: переписчика.

нистрамъ но до 1810 года ихъ не было. — Безпорядокъ и смѣшеніе при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. В. В. стоя въ средоточіи, дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ Министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія.

По мыслямъ В. В. составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе председателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ Манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составить общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежнихъ перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны и на будущее время; еще нѣсколько разъ измѣнится могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроль; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію В. В. въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ, столь опредѣлительнымъ и твердымъ: оно лежитъ теперь покрытое пылью и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ застылымъ уставамъ. Возложено было на самихъ министровъ составить проектъ, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался

наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства — это былъ я!... Мнѣ одному противъ весьма сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У однаго министра финансовъ*), не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два Департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе нежели на 100 тыс. рублей. — Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсечь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою и, словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. — Можно ли было сіе достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ? —

Другіе, можетъ меня счастливѣе, совершатъ сію работу, но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно Министерство движется не по данному направленію то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія; иначе онѣ другъ друга будутъ затруднять, какъ то опытъ уже доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ занимаясь сею работою, В. В. подтверждали мнѣ многократно о проектѣ образованіи Сената.

III. Сенатъ. Образованіе Сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ Министерствъ. Не могутъ два сіи учрежденія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ. Проектъ сего образованія прежде всѣхъ сообщенъ былъ Графу Завадовскому, Князю Лопухину и Графу Кочубею. Писменные ихъ отзывы находятся при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи Предсѣда-

---

*) Графъ Гурьевъ. прим: переписчика.

телей, напечатанъ, внесенъ въ Совѣтъ: мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобы каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ сего хода всякъ лично могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласіе, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію. — Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзающаго мою душу. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія.

Возраженія сіи большею частію происходили отъ того что элементы Правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, недовольно еще пораженъ несообразностями настоящаго порядка вещей, чтобы признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми — и слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, попустить еще безпорядокъ и злоупотребленіе, чтобы наконецъ ихъ ощутили и тогда вмѣсто того чтобы затруднять намѣренія Ваши, сами пожелали бы ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестью вырвалась у меня въ самыхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ В. В. и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ должна находиться. Могъ ли я тогда подумать что сіе самое разсужденіе даетъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое въ послѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проэкта были многочисленны и уважительны. Съ твердостью и чистотою намѣреній В. В. не рѣшались еще остановить исполненіе двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколько неудобно было-

бы, при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возвращающіеся слухи о войнѣ рѣшили наконецъ В. В. отложить его до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы время сіе настало; проэктъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ или и совсѣмъ передѣланъ людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, Министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботъ, нежели пользы и достоинства.

IV. Законы. Есть люди кои и коммисію законовъ считаютъ вреднымъ установленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того хода, какого бы желалъ, но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано въ теченіе двухъ лѣтъ болѣе, нежели во все предидущее время Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщеніяхъ; въ мое время составлены не только твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ совѣтѣ разсмотрены двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія, третья и послѣдняя требовали только отдѣлки. — Совсѣмъ тѣмъ не хвалился я никогда работами и охотно и въ Совѣтѣ и предъ В. В. раздѣлялъ честь ихъ съ коммисіей, но несправедливости людей принуждаютъ меня наконецъ быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммисіи и отъ Господина Розенкампфа — и если найдутъ въ 102 параграфахъ коими я воспользовался, я уступаю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно, ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе мною внесенное, есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе — ложь или не знаніе кои изобличить не трудно также, ибо и то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ Римскомъ правѣ всѣ уложенія будутъ сходны, но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ ни въ французскихъ университетахъ! . . .

V. Финансы. Въ исходѣ 1809 г. тогда какъ В. В. занимали меня планомъ общаго образованія представился вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекшій на себя все Ваше вниманіе. В. В., съ справедливымъ безпокойствомъ, взирали на постепенный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть что средства къ пополненію недостатковъ Вамъ представляемыхъ, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возрасло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ въ 105,000,000 рублей а способъ къ замѣнѣ его въ виду небыло! . . .

Вступало къ Вамъ можесто проэктовъ, но всѣ они представляли минуимыя и вредныя облегченія. В. В. желали открыть корень зла и пресѣчь его до колѣ была еще возможность. Сею одною рѣшительностію смѣло могу утвердить, что В. В. спасли тогда Государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій, составленъ былъ планъ финансовъ и внесено въ комитетъ, который тогда собирался въ домѣ Графа Гурьева. По двухкратномъ, предварительномъ разсмотрѣніи, онъ призналъ было необходимымъ и представленъ Совѣту.

Были споры, но самое важное большинство его одобрило, принялись за исполненіе.

Здѣсь тѣже самые члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того чтобы единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его и тотъ кто долженъ былъ быть главнымъ исполнителемъ, Министръ Финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противорѣчіе? . . . оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать „прекратить выпускъ ассигнацій“ — но надобно чѣмъ нибудь ихъ замѣнить. Для сего надлежало: 1) сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь то неудобство и роптаніе! . . . Вмѣсто того, что прежде каждый Министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, — въ новомъ порядкѣ все надлежало вносить въ годовую смѣту; потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе а въ концѣ всего еще ожидать ревизіи контроля. — Самъ Министръ Финансовъ, подвергся тому же праву. Могъ ли кому нравиться сей порядокъ вещей? . . .

Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ 20 лѣтъ Россія сего не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакоже чтобы кто-нибудь ее понесъ. — Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву, меня осыпали эпиграммами, ругательствами и пр. и. пр. а другіе были въ сторонѣ! . .

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхомъ народнаго неудовольствія и подозрѣніями ко мнѣ. Отчетъ который за 1810 годъ имѣлъ я удовольствіе представить въ Февралѣ послѣдующаго

года, изображалъ во всей силѣ мои опасенія. — Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія и тогда уже просилъ уволить меня отъ званія Государственнаго Секретаря. Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои желанія и мои страхи. Такъ прошелъ 1810 годъ. 1811. представилъ Совѣтъ противныя явленія. Тутъ Министръ Финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные; онъ Министръ доказывалъ что въ половинѣ года все станетъ, прошелъ цѣлый годъ; ничто не остановилось и передержки были малозначущи. Тѣмъ не менѣе и въ семъ году я былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и сверхъ того близкая война. Министръ Финансовъ представилъ систему налоговъ, чрезмѣрно крутую и тягостную; часть ихъ принята а другая замѣнена налогами легчайшими.

Сіе смѣтеніе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужило послѣ Министру Финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ, отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя всю ихъ отвѣтственность и по примѣру 1810 года но уже съ большею силою, на меня однаго обратить всѣ неудовольствія.

Еслибы въ то время можно было напечатать всѣ представленія того Министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали покойно въ дѣлахъ Совѣта а Манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстями и ложными страхами ходилъ по рукамъ!. . .

Я мнилъ что покойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, разсѣятъ сію бурю. Въ самомъ

дѣлѣ она начала утихать, налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ*) но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть не дремала и воспользовалась стеченіемъ обстоятельствъ (здѣсь разумѣю моихъ доносителей, имена ихъ Ваше Величество извѣстны). Приступаю къ подробностямъ весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностью въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать изволили мнѣ, могу только заключать, что было три главныхъ пунктовъ обвиненій: 1) что финансовыми дѣлами старался я разстроить Государство, 2) привесть налогами въ ненависть правительство и 3) отзывы о правительствѣ.

1) О Финансахъ. Въ 1810 году доходы государственные составляли около 125 мил. рублей. Въ 1812 году они доведены были до 300 мил. рублей; приращенія въ два года 175 мил. рублей. Слова можно превратить, исказить, перестановить, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ перемѣнить нельзя! . . .

Смѣло могу еще разъ утвердить что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли Государство отъ банкротства. Придетъ время, Весмилостивѣйшій Государь, когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословенія всѣхъ людей благомыслящихъ: тогда смѣю думать и мое имя и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія! . . .

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честію самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ Государственныхъ

---

*) Большая часть ихъ и теперь существуетъ.

людей, не только у насъ, но во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать что если бы въ свое время онъ небылъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но встрѣтить ее было не съ чѣмъ! . . . и тотъ планъ, въ обширныхъ его приложеніяхъ, можетъ еще доставить важное пособіе въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отчего же столько ропота? отъ того что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отъ чего еще, вопрашаютъ, показалось еще болѣе ассигнацій со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства. Онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ то же время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46 мил. рублей новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, по единому незнанію, представленъ былъ неправельный счетъ той массы, котарая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности узнать никакъ небыло возможно, основаны были первыя операціи. — Но совсѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый разъ, ассигнаціи потомъ такъ установились что въ теченіи трехъ послѣдующихъ годовъ, онѣ сохраняли постоянно свое достоинство и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ охотнѣе по цѣли ихъ принимаются въ народѣ, нежели серебро. Сіе-ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита? . . .

2) О ропотѣ отъ налоговъ. Какое странное притязаніе желать, чтобы народъ кланился и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! — естественно что сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ и со вре-

менемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ... Гдѣже не бранили за налоги? но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? если налоги, въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда же дѣвалась сія опасность, въ мартѣ, маѣ и іюлѣ? гдѣ слѣдъ сего общаго неудовольствія?... налоги не были сложены; напротивъ, во многихъ мѣстахъ усилены, слѣдовательно — опасный ропотъ сей былъ - баснь, выдуманная людьми легкомысленными, кои, противь весь вѣкъ въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстятъ, судятъ и о дѣлахъ государственныхъ и дали (горько помыслить) мнятъ управлять ими!...

Не могу здѣсь миновать однаго примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался сколько могъ означить.

Не попустите Всемилостивѣйшій Государь, чтобы система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества, чтобы система сія, всегда приводившая Государей къ безславію а Государство къ бѣдствію превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего Правительства, доселѣ составлялъ отраду, награду и надежду всѣхъ людей благомыслящихъ и просвѣщенныхъ, одни мечтали что люди ей важные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ въ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, готовыхъ повиноваться самой малѣйшей власти и вамъ Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, — могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его, пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропотъ, опасность,

причины важныхъ подозрѣній. — Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу ихъ назвать, если онѣ существуютъ, преступленіемъ противъ самаго Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій и сохранившій для благодѣйствія Россіи, безъ сомненія, сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ низкой преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. — Истинныя русскія правила суть: взаимная любовъ и довѣріе между Государемъ и подданными, — точное отношеніе отца къ дѣтямъ, — а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо, а пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные или злые и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ, напротивъ, строптиво и ужасно когда его слушаютъ! Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія! . . .

3) Объ отзывахъ. Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоялъ въ томъ, что я отзываюсь худо о правительствѣ. — Если доносители подъ именемъ правительства разумѣютъ тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, т. е. разныя установленія, — то правда, что (съ горестью) я не скрывалъ и въ послѣдствія время съ горестью многимъ повторялъ, что они состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и не сообразны. — Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, мнѣніе Вашего Ве-

личества. — Скрывать же его не имѣлъ никакой нужды. — Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь, горесть — видѣть все искаженнымъ, все переиначеннымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчью и при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противуположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и за это доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой либо успѣхъ въ дѣлахъ, не взирая на всѣ Ваши желанія, горесть сія часто, а особенно въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывались невольнымъ образомъ изъ сердца. —

Но, Всемилостивѣйшій Государь, измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми несносными укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? . . . и впрочемъ сіи самые члены Правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ оскорбились, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

Но чтобъ могъ я разумѣть подъ именемъ правительства особу Вашего Величества душа моя возмущается при размышленіи что я доведенъ до того, чтобы опровергать сію гнусную клевету, иначе какъ презрѣніемъ! . . . съ 1801 года чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душею за всѣми Вашими намѣреніями и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. — Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были однѣ мои орудія: въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и

успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ я, да и не могъ получить Вашего согласія иначе какъ чрезъ посредство самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. — Для чего сочиняемы мною были не докладныя записки, но можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю ссылаться на Ваши собственныя воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. — Какимъ же образомъ, съ какою же уродливою лживостію, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи столь многихъ лѣтъ? Для чего, какую цѣль могла имѣть сія лживость? . . . возбудить неудовольствіе, — но въ комъ? — въ Армфельдѣ и Балашевѣ, — и на какой конецъ? чтобы сдѣлать переворотъ въ правительствѣ. — По въ чію пользу? гдѣ способы? гдѣ сообщники? гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20 лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двугодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и умы открыты слушать обо мнѣ клевету и нелѣпость, открыли-ли хоть одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой либо связи подозрительной? . . .

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце. Непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ Французской системѣ; но Ваше Величество зная мои по сей части работы, не могли колебаться. — Поведеніе мое столь было ясно, что еслибы бумаги и дѣла мои устыдились бы своихъ предположеній! не я ли былъ одинъ изъ первыхъ который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоящую войну и на всѣ козни ей предшествовавшія? . . . ссылаюсь на подробныя записки, многократно въ разныхъ эпохахъ и въ разное время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся

въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто можетъ быть, по крайней мѣрѣ, случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобы заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, — какъ я. — Когда отправили въ Парижъ Гр. Несельроде, на короткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая сдѣлалась въ послѣдствіи источникомъ свѣденій вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ. И впрочемъ если бы и не могъ я привести сихъ и имъ подобныхъ доводовъ, какъ можно согласить вообще слѣдующія противорѣчія быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи, введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ тоже время всемирно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить Правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемой сей самой ненависти?... пусть согласятъ все сіе мои доносители: мнѣ и писать и слышать о семъ омерзительно.

Между тѣмъ однакоже, сіе же самое предубежденіе о связяхъ моихъ съ Франціей, бывъ поддержано эпохою моего удаленія, составляетъ теперь самое важное и могу сказать единственное пятно моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ, Вы обязаны Государь, сіе сдѣлать, Вы не можете тутъ во лжѣ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія. Вашею тайною, а не своею я связанъ. — Вамъ же

слѣдовательно и разорвать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною!..:

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти?... отъ того что сіи разныя лица состовляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ.

Если въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно было мнѣ не спускаться по симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко бы могъ показать и начало ихъ и происхожденіе; — открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы и личные ихъ корыстолюбивые расчёты, указать всѣ лица, запечатать каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложъ въ самомъ ее средоточіи и представить на все то столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? онѣ будутъ теперь имѣть видъ рекреминацій, всегда ненавистныхъ!... и, сверхъ того, враги мои, можетъ быть и въ сію минуту предъ Вашимъ Величествомъ а я за 2000 верстъ и весь почти въ совершенной ихъ власти. Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое скрывъ моихъ непріятелей, дало имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истинною. Ваше Величество припомнить безъ сомненія изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у Васъ минуту вниманія. — „На что?“ изволили Вы спрашивать. —

„Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ показать канцлеру, не представивъ прежде Вамъ." — Ваше Величество сказали мнѣ что позовете его черезъ Геслера, что дѣйствительно и исполнили и давъ ему Ваше наставленія, дозволили впредь въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать, въ чистотѣ совѣсти, не считая себя чуждымъ правительству и по тайнамъ. — Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но черезъ третье лице, въ самомъ дѣлѣ разновременно и безъ связи получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ заключали? . . . пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству, я въ тясячу разъ лучше и подробнѣе зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой нибудь Гнъ Бекъ и ему подобные, жалкіе дипломаты? . . . слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. — Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ удостовѣритъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности ихъ, числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи; — а все вмѣстѣ можетъ увѣрить что тутъ могло быть легкомысліе; но никто никогда не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе! . . . Со всѣмъ тѣмъ и прежде и теперь я повергаю себя единственно въ Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели совсѣмъ правымъ. Нужно ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы я оправдывалъ себя противъ тѣхъ объясненій, кои разсѣваемы были моими врагами, о нравственныхъ

моихъ правилахъ и о связахъ моихъ съ мартинистами и иллюминатами и проч.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ и что вообще о всѣхъ вѣщахъ старался имѣть собственное мнѣніе и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда Ваше Величество пожелали о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, — я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить Вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи были тѣмъ мнѣ пріятнѣе чѣмъ болѣе я ждалъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными Вашими чувствами. Не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій, почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими переношенной!... обстоятельства и многодѣлія прервали, слишкомъ рано, сіи личныя для меня сношенья и хотя не имѣлъ я еще времени открыть Вамъ во всемъ пространствѣ ихъ знаменованія, но судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное Ваше сердце и на самыя бумаги, у Васъ оставшіяся, что не другое Вы слышали въ сихъ истинахъ отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единственный источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго? — Да и когда, при какихъ случаяхъ, слыщали Вы, Всемилостивѣйшій Государь, отъ меня другіе правила?... Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ?... На кого навелъ я какую либо тѣнь подозрѣнія?... напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость

и снисходительность, коимъ Богъ и Природа въ благости Васъ одарили!... Всемилостивѣйшій, Государь, въ невидимомъ присутствіи Бога, Сердцевѣдца, смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привести Его въ ненависть! —

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространность сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ лѣтъ враги мои говорили одно, — а мнѣ оставалось страдать и молчать! —

Въ награду всѣхъ горестей, мною потерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и къ благу Государства подъятыхъ, въ признаніи чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ и наконецъ въ воспоминаніи тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ взаимныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною, — прошу единой милости, дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

Если во всемъ уединеніи, угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣю гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню ее безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: свободы и забвенія.

Богъ общій Отецъ и судія Государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества въ пользу государства, да низпошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія, усерд-

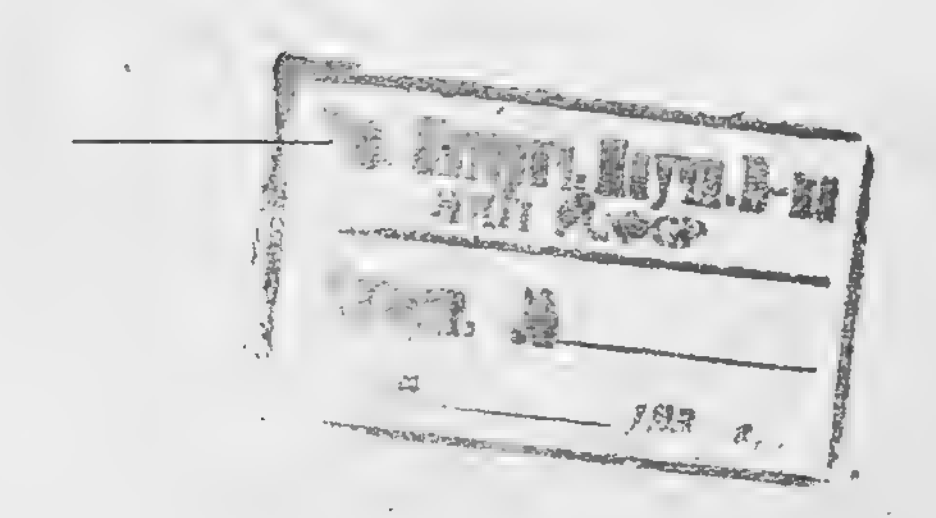
ныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ на всегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счасливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе! . . .

NB. Въ слѣдствіе этого письма, Сперанскій былъ помѣщенъ Гражданскимъ Губернаторомъ въ Пензу.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Желающіе участвовать въ редакціи Русскаго Заграничнаго Сборника благоволятъ обратиться къ нижеподписавшемуся, который обязывается помѣстить въ немъ все что только касается Литературы, Политики и Религіи, съ тѣмъ однако-жь условіемъ, чтобы посылаемые къ нему труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго, которую онъ изъявляетъ теперь ея вѣнчанному представителю тѣмъ охотнѣе что находитъ въ немъ Монарха желающаго управлять своими подданными однимъ правосудіемъ и вести ихъ къ дальнѣйшей и блистательной цѣли путями мира.

А. ФРАНКЪ
въ Парижѣ, rue Richelieu 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

